

Грель Георгий Карлович

«Моих бабушку с дедом и отца за революцию 1905 года царь сослал в село Тымское, подальше от дорог. Они поляки были. Отсюда и фамилия такая - Грель. Знаете, у немцев есть «шнель» – «быстро». А «грель» значит «молниеносно», «мигом».

Мать в Сибирь попала в 14-летнем возрасте, с родителями, которые тоже были наказаны по политическим делам. Они приехали из Украины. Её отец был хорошим лекарем, травами мог лечить. Жили они в Тымском. А километрах в 30-ти от него был остяцкий поселок Тюмель-Карамо. Местные его так называли. «Тюмель» — «остяк» на их языке, «карамо» – «темное жилище», «землянка». Штук пять-шесть в этом поселке было землянок. А место – красота! Остяки не селились где попало: и ягода рядом, и рыба, и боровая дичь, и грибы в тайге — все, что нужно.

Однажды там заболел кто-то из местных жителей. Остяки узнали, что в Тымске есть жулик сосланный, который лечить может. Они так считали: если сосланный, значит, жулик. Но все равно приехали просить деда, чтобы тот попробовал вылечить одного из них. Пришли в полицию, отпросили его. Тогда же комендатура была, сосланные всегда под надзором.

Дед приехал в Тюмель-Карамо, посмотрел на больного: тот лежит раздутый весь. Они его серой натерли. Дед заставил его отмыть и стал лечить. Сколько недель это заняло – не помню. А больного все же вылечил.

Вернулся в Тымск. А остяки через несколько дней снова приехали — назад его звать, чтобы он к ним насовсем переехал. Пошли к полицейским. А тем что надо? Чем дальше в тайгу, тем меньше шансов, что сбежит. Отпустили. Дед переехал в Тюмель-Карамо. Домишко себе построил. Постепенно туда стали русских больше заселять, остяки уехали. А поселок в честь моего деда Жарковкой назвали. Он был Михаил Жарков. Там я родился.

На учебу с восьми лет принимали. К тому времени я уже уток и куропаток стрелял, сеть маленькая своя была. К местной жизни привык. А вот школы в поселке не было. В 1937 году я пошел в первый класс. В Тымске. Отец меня привез туда на обласке. А 11 февраля 1938 года его арестовали как врага народа. Тогда даже стариков забирали. У нас сосед был - дед, Серафимов Александр Войцехович, так его взяли под руки, на сани посадили и увезли.

Сталин тогда колхозы делать надумал. А вы были в колхозе? Нет? И не дай Бог никому там побывать, всему народу и всей земле. В таких колхозах, как у нас были. Эта та же тюремная камера, только не огорожена проволокой колючей. Заборы стоят. Мой старший брат Алексей на себе испытал всю прелесть колхоза. Он жил и работал в Неготке. Колхоз там был. Как-то мать заболела, он приехал к нам в Жарковку. Неделю побыл и вернулся в колхоз. За это ему три года ввернули — отправили в Новосибирск строить «Толмачево». А оттуда только пришел – война началась, на фронт забрали. Он почти сразу погиб под Ярославлем.

Я с 1929 года. А война в 1941-м началась. С 1 января 1940 года нам давали по 75 граммчиков хлеба. Сталин Гитлеру все скормил, а нам вот столько оставил. По Тыму ниже был поселок Курлеево, а там недалеко интернат для детей местных

жителей. Остяцких ребятишек собирали там и бесплатно кормили: крупу варили, картошку, хлеба давали по 300 граммов.

Брат Алексей, который в Неготке работал, меня в тот интернат устроил. В 1940 году я туда попал и жил там до весны 1941 года. А потом разобрали его, чтоб бесплатно не кормить туземцев.

Меня с другими детьми перевели в другой интернат. Там было большинство русских ребятишек. Дали нам учительницу, в конторе местной сделали школу. Теперь здесь только учили. Кормить не надо было никого. По 300 граммов хлеба в день давали, и все. От моего дома до интерната было 40 км. Зимой мать мне еду присылала через почту. На конях тогда ее доставляли. Продуктов каких пришлют – жить можно.

А тут апрель на носу. Дорога теряется. Я задумался: что я буду есть, если из дома подмоги никакой? Что делать с этими 300 граммами? Взял книжку, открыл, посмотрел, положил, повернулся и попер домой. 40 км бегом. Пришпарил. Вечером я уже дома был.

К дому подбежал и стою. Страшно. Мать же по загорбку надает: зачем, скажет, ты со школы сбежал? А заходить-то надо. Пойдет в стайку – все равно увидит, что я здесь в сенках стою. Зашел. Она: «А ты с кем приехал?». Говорю: «Один пришел». Она: «Как один?». Я: «Да очень просто!». Вот тут она мне по загорбку шлепнула: «Так ты ж дорогой застыть мог, никто бы тебя и не подобрал! Мы почте наказали, чтобы она тебя привезла завтра!». Слава Богу, думаю, отвалилась от меня вина.

Сейчас говорю об этом, аж слезы пробивают.

Дожил я так до лета, а потом война началась. Норму хлеба урезали совсем. Я стал добывать рыбу, ягоды и дичь — сдавать в сельпо. Мне это дело привычно было, я с малых лет белок гонял.

Охотники в то время до ста уток в день сдавали. Денег за них давали не много, зато дробь полагалась: за одну утку по 60 граммов дробин. Это ж целых два заряда! Дробь была на вес золота. Ее не каждый мог достать.

Осенью приехали на Тымский рыбозавод немцы с Поволжья. Полно их было.

Прислали бригаду и в наш поселок. Шесть человек: две женщины, четверо мужчин и два черноморца. Один черноморец бригадир, другой бухгалтер и начальник по табелям, он же в Тымск за деньгами ездил и нам потом их раздавал. Невод они сделали, а что толку? Черноморец льда не видел, а немцы поволжские, кроме зерна, ничего не видели, рыбки в жизни не ловили. Место, где они неводить собрались, было колхозное. А бригада должна рыбачить там, где не рыбачит колхоз. Я им рассказал, что рядом есть хороший водоем, как идти туда. Все знал тогда уже, потому что мать с отцом рыбачили, а я все время толкался рядом, пока отца не арестовали.

Говорю им: «Возьмите меня!». А они: «Нет, мальчик! Если бы тебе 14 лет было, тогда бы взяли. А тебе 13». В 14 уже брали. Ты имел право работать. Ладно, думаю, шут с вами. У них было две лошади, уехали. А я не сажу дома. Побежал за ними на озеро.

А они от больших лунок, где невод запускать надо, начали канавы долбить к маленьким лункам по обе стороны. Я прибежал и говорю: «А что это вы делаете здесь? Зачем канаву долбите?». А они: «А как тогда веревку тянуть между

лунками?». А как рыбалка происходит зимой: лунки делают, чистят их ото льда и жердь прямо подо льдом прогоняют между ними – сеть тянут так.

Я говорю: «Дайте мне топор и лошадь подготовьте. А вы долбите только эти луночки, которые уже сделаны. Никаких канав не надо!». Поехал, жерди высек, невод перебрал, сделал крючки из веток и пошел на край реки неводить. Запустили жерди под лед, прогнали сети, веревки вытянули – больше центнера рыбы добыли, два обоза загрузили.

Мать наварила ужин. Сидим мы все на кухне, а бригадир и замначальника в комнате. Слышу, зовут: «Гоша, зайди сюда!». Я зашел. Черноморец, который замначальника, говорит: «С сегодняшнего дня ты будешь рыбак первой категории». Это считай как бригадир. Тот два пая получал, я 1,8, а рыбаки по одному паю. С тех пор, с 13 ноября 1942 года, я стал рыбачить. Всю войну рыбачил и даже дольше.

Война в мае кончилась, а мы в августе только перестали рыбачить. Дядя из армии вернулся, мамин брат, ему ногу прострелили у Сталинграда. Он, я и два колхозника стали рыбачить. Ловушка рыбзаводская, а места колхозные. Улов наполовину делили – половина колхозу, половина нам. Сдавали все в приемный пункт.

Тяжело было только физически. Зимой — лед долбить, летом — с озерьев на себе рыбу и невод таскать. Хочешь не хочешь — работаешь. Какое бы настроение ни было. Охотничать пойдешь в сельпо – 75 граммов хлеба дадут. А на рыбалке 800 граммов. Вот тебе и настроение.

Мне в жизни хватило физической работы. Начал трудиться в 13 лет и 13 дней. Больше 40 лет трудового стажа у меня, из них 30 с лишним по профессии. Я в речном транспорте работал. От навигации до навигации считай жил на реке. Был даже одно время начальником взрывной партии — чистил, углублял и расширял реку. И как только мне, сыну врага народа, позволили с взрывчаткой работать? Упустили, наверное, этот момент.

Секрет долголетия? Двигаться надо больше и не злоупотреблять ничем, от привычек вредных отказаться. Я вот курил. В детстве. А потом мать как узнала, как отходила меня ремнем по мягкому месту, так я сразу и бросил. По сей день не курю. И вам не советую.